

МИНУВШЕИ осенью пришлось мне пробираться берегом речки Малой Бичи к старой лежнавке, давно заброшенной, местами полуслгнившей. Но все-таки это дорога, легче идти, а напрямую ломиться через старые выруба тяжеловато.

Как же я не узналочно, это последний лагерь после того, бросили плоты. Я еще оставляли за «Мы, туристы Оренбургского института, идем селку Азы...». Дата ла: 28 июля 1961. И внизу 11 подпись. Бог ты мой, как

1. ЗОВУТ ДОРОГИ

И вдруг открылась это было! Даже не верится. Желторотыми птенцами мы тогда еще были. По 20 лет каждому. Энергии хоть отбавляй. Тогда еще не ездили студенты на стройки, это после нас началось. Кажд-

Я сбросил рюкзак, прислонил к дереву ружье, присел на обгорелое бревно. Осматриваясь, увидел старое, затянутое травой кострище, приставленные к березе колышки от палатки, рогатулины для костра. Значит, здесь кто-то был до меня, провел ночь на этой поляне.

Дые каникулы мы отправлялись в тайгу, хоть и не знали слов: «Надо мне побывать с тайгою, продымиться у костров...» Пели что-то похожее: про горы, тропы, параллели и меридианы. Наверно, в наших походах было стремление выплеснуть энергию, развеяться после надоевшего города,

Как же я не узнал! Конечно, это последний наш лагерь после того, как бросили плоты. Я помню, отдохнуть, окрепнуть. И, конечно, почувствовать себя сильным, крепким. Все-таки в тайге будем.

Если признаться честно, я тосковал по родным краям. Потому и рвался каждые каникулы домой. Но как-то знакомые ребята пригласили в поход выходного дня. Турист-

Бог ты мой, как давно

отдохнуть, окрепнуть. И, конечно, почувствовать себя сильным, крепким. Все-таки в тайге будем. Если признаться честно, я тосковал по родным краям. Потому и рвался каждые каникулы домой. Но как-то знакомые ребята пригласили в поход выходного дня. Турист-здоровущего костра. Высокий, белокурый парень, поблескивая ровными зубами, бранчал на гитаре, остальные подпевали. Все песни оказались неизвестными. То залихватские, то на мелодии известных песен, но с другими словами, то грустные, бравшие за душу.

ская секция института, считалась лучшей в городе, давно подмывало посмотреть, чем же занимаются люди.

В ноябре было дело. «Как же мы ночевать будем?» — думал я, клянча у товарища по общежитию то свитер, то телогрейку. Заняли мы чуть не весь трамвай. Горланили песни до остановки возле СибНИИхоза, а после протопали километров пять на север по узкой тропочке.

В глубине осинно-берескового колка дымили костры. Два ряда палаток стояли возле них. По темному леску сновали силуэты людей. При нашем появлении они дружно построились и громко прорвали физкультпривет. Тем же ответили и мы.

здоровущего костра. Высокий, белокурый парень, поблескивая ровными зубами, бранчал на гитаре, остальные подпевали. Все песни оказались неизвестными. То залихватские, то на мелодии известных песен, но с другими словами, то грустные, бравшие за душу.

И еще были воспоминания. Тот высокий парень, заводила, вспоминал какие-то перевалы, тропы, а Валерка Коровянский из Тевриза подталкивал меня в бок и удивлялся: «Вот черт, какие-то знают тропы! Весело у них, правда?»

Ночевали восьмером в четырехместной палатке, так что мои страхи оказались напрасными. А утром нас учили ставить палатки, разжигать костры, ориентироваться по компасу. И везде успевал белокурый парень, певший вчера у костра. Звали его Артуром Степкиным.

Мне до этого пришлось заниматься лыжами. Тренер гонял до седьмого лота, развивая наши голеностопы и «дыхалку». На одном из соревнований удалось выполнить

ИЗ ДНЕВНИКА ТУРИСТА

третий разряд, и тогда тренер перевел меня в другую группу. Теперь два раза в неделю мы отрабатывали бесконечные «змейки» и «шпильки» на заледенелых трассах Омки, на тяжелых горных лыжах.

Все это пригодилось потом, когда окончательно решил заниматься туризмом. Курсы инструкторов-общественников вел все тот же Артур Степкин. Он умел рассказывать, приводил интересные примеры из своей практики. А мы, зеленые новички, глядели ему в рот и завидовали: шутка ли, у человека восемнадцать многодневных путешествий. Теперь, когда в моей зачетной книжке записано их почти в два раза больше, вспоминается это с улыбкой.

После того, первого, памятного похода было еще зачетное путешествие по степным южным районам. На городском вечере туристов Артур,

вручая значок «Турист СССР», шепнул тихонько: «Тяни до мастера!». Летом мы прошли от Большеречья через Муромцево до Тары.

А уже следующей зимой мне доверили руководить группой. Маршрут подбирал сам, людей агитировал. За восемь дней мы прошли 180-километровый маршрут по Среднему Уралу. После этого присвоили третий разряд.

Но оставалось неудовлетворенность. Подумашь. Урал! Наши края не хуже, но мало туристов бывает. Только одна группа, и то зимой прошла. Тогда, с зимы, мы и начали мечтать о небольшой речушке на севере Омской области под названием Малая Бича. Много прошло времени с тех пор, но память воскрешает эпизоды того путешествия, а старый походный дневник поможет рассказать об этом.

В. АНДРЕЕВ.
(Продолжение следует).

Редактор И. П. УФИМЦЕВ.

СЕГОДНЯ, 19 июля, мы должны выехать. В институтской бухгалтерии денег нам не дали, а сроки маршрута утверждены, и ломать график не хочется. Договорились, что пришлют деньги в Аксеново, пока мы туда едем. У нас запасы довольно ограниченные, хватит на дорогу и на первое время.

В 11 часов утра старенький пароходик «Владимир Ленин» повезет нас на север, в Усть-Ишимский район. Обычное волнение перед дорогой, суета сборов.

Первой пришла Люда Логинова, выпускница математического факультета. Невысокая, белокурая, курносая. Вдобавок веселая. Всю жизнь свою

едут в колхозы Большереченского и Седельниковского районов рабочие с Омских заводов. У нас билеты четвертого класса — студенческие. Значит, придется спать в проходе, а дни коротать на палубе. Но где же художники? Вспоминаю, как уговорил Толю Головина. Живет он в соседней комнате общежития, на первом курсе учится. Светлые волосы челочкой, внимательные серые глаза, серьезный парень. На вид простоватый, не то, что другие с худографа. Попросил его скопировать карту. Толя выполнил просьбу и заинтересовался походом. Рассказал ему обо всем, но думал он долго. За неделю до утверждения маршрута

...На четвертый день мы подплывали к Аксеново. Товарищи спрашивали: «Где она, твоя тайга?». И впрямь, берега низкие, однообразные, хвойных лесов не видно. Только когда увидели голубой увал над поселком, повеселились.

На берегу — тишина, до звона в ушах. Цветы и комары. Потопали по другой дороге, вместо поселка пришли в Нагорное Аксеново. Далеко внизу серой змеей вился Иртыш, да еще маленькая речушка петляла по заболоченным лугам. А где то дальше синела тайга.

Оказалось, что поселок совсем рядом, только внизу. По тропинке среди огромных лип спускаемся с увала. Малина, земля-

ИЗ ДНЕВНИКА ТУРИСТА

2. Приехали!

провела в городе, получила направление в Аксеново, вот и хочет пораньше с ним познакомиться.

Высокий, добродушный, улыбающийся на все тридцать два зуба Андрей Штейнский с ведром в руке. «Мудрый» Андрей — так зовут его девушки. Он уже не новичок, в походе по Уралу зарекомендовал себя отличным специалистом по ремонту лыж. Учится на факультете иностранных языков.

Его однокурсники: Витя Рыбин и Коля Агафонов. Витор — весельчик, балагур, с кудрявым светлым чубом, голубыми глазами. У Коли человека спадает на глаза, он плотный, коренастый, в поход идет первый раз, волнуется, все спрашивает: «А змеи там есть? А вдруг меня укусит?»

Стройная Тамара Зинченко с фотоаппаратом. Коса корзиной оплела ее голову. Это моя однокурсница. Глаза у нее синие-синие, как васильки, и кажется, что наши парни все к ней неравнодушны. Но Тамара строгая, с ней шутить излишне опасно.

Люба Герасимова учится на физхиме. Высокая ростом, какая-то нескладная, худощавая. Во время выходного дня показала свое умение быть завхозом, а этого достаточно пока. Дальше будет видно.

Наконец, появилась в огромной соломенной шляпе с неизменной улыбкой на тонких губах черноволосая, кареглазая Лиза Титаренко, наш чемпион по «геодзям». Гвоздями мы называли тех, кто больше всех падал на лыжах. Лиза в отглаженных малиновых брюках и домашних тапочках. Она учится в одной группе с Андреем.

Шум, визг поднялся. Лизу чуть не раздели, вспоминая Урал. Шляпу с нее все-таки стащили и по очереди в ней фотографировались.

Нет еще троих — парней с художественно-графическим факультета, они сдают экзамен по истории КПСС. Кажется, собраны, но рюкзаки на другом берегу Иртыша, в доме Сани Герасимова.

На пристани многолюдно. В основном молодежь,

пришел и прошел с улыбкой: «Заниши нас троих. Еще Юрку Колодяжного и Сашку Герасимова. Этюды писать там будем».

Юра Колодяжный — заядлый охотник. Толя молчалив, зато Юрка болтает без передыху, поблескивая своими черными глазами. Крепенский паренек, быстрый в движениях, живой. Черные брови срослись почти над переносицей.

Санька длинный, чуть сутулый, вечно с гитарой, какой-то флегматичный с виду, медлительный. Его я почти не знаю.

Гляжу на часы: пять минут осталось до отхода.

И в это время с другого берега подошел измыганный катеришка, с которого по трапу бежали наши художники с ружьем в чехле, с гитарой, этюдниками.

Пароход устало прогудел, густо зачадил дымок и стал разворачиваться.

«До свидания, город! Мы вернемся к тебе окрепшими, обгоревшими на солнце и прокопченными в дыму таежных костров».

— думал каждый.

Гляжу на часы: пять минут осталось позади пригородные рощи, а мы не можем устроиться.

Пассажирами набиты каюты, палубы, даже пройти трудно. Пока нам достался кусочек прохода,

где горой сложены рюкзаки. Санька бренчит на гитаре. Толя с Юркой делают наброски. Люба с Тамарой фотоаппаратами щелкают.

Давно остались позади

пригородные рощи, а мы не можем устроиться.

Пассажирами набиты каюты, палубы, даже пройти трудно. Пока нам достался кусочек прохода,

где горой сложены рюкзаки. Санька бренчит на гитаре. Толя с Юркой делают наброски. Люба с Тамарой фотоаппаратами щелкают.

До ночи сидели на палубе, пока не прогнал вахтенный матрос. Кое-как нашли место, расстелили палатку в кормовом проходе и, тесно прижавшись друг к другу, попытались заснуть.

Соседи ворчат, что их стеснили, но что делать: спать то надо всем. Жарко, душно, чуть не по ногам нашим ходят.

Пришел вахтенный

матрос и отправил нас с Людой в кубрик. Люда забралась на койку, я устроился на полу, подстелив штормовку. Но и здесь не было покоя. Пробрел среди ночи пьяный матрос и чуть не выпроводил. Вмешательство вахтенного помогло только.

ника дразнят. Сбрасывают рюкзаки и лезем в мокрые от дождя кусты.

Сверху по узкоколейке

громыхает состав с лесом. Ладные сосновые

дома среди сосняка, деревянные тротуары, маленькая станция железной дороги. Деньги, конечно, не успели прийти.

Решили ехать до Кайтыма.

Прогудел мотовоз и по-

тащил за собой на увал три вагончика. Пассажи-

ров немного: два подвы-

пивших парня, несколько

женщин, ребятишки. Слу-

шают наши песни. Коля

кидается от одного окна

к другому, ахает, глядя на стройные пихты. Иногда поезд останавливается,

и мы лезем за малиной, цветами. Кипреем захнет, лабазником. Поляны то

розовые, то желтоватые.

Один из парней присел

к нам, разговорились. Он

высокий ростом, с крупным прямым носом, боль-

шим ртом, говорит гру-

бым басом. Работает

вальщиком, сейчас в от-

пуске.

— Анатолием меня зо-

вут. Только, — нажимая на «о», говорил он.—

Лес по речке сейчас не

сплавляют. Летом мелкая,

пешком перейти можно,

на перекатах особенно.

Но рыбы, я вам скажу,

полно. Удочки-то есть у

вас? Когда лось в воде

стоит, от гиуса прячется.

Речка-то вся в поворотах,

извертась, как червяк.

Где по колено, а где шест-

том дно не достанешь.

Мы весной плаваем на

плотах за утками. Скрад-

ок сделаешь на плите

и катишь по речке.

Че еще? Глухарь есть, рябчик.

Больше всех ему надо-

ел Юрка, расспрашивая

про охоту, рыбалку, про

то, где червей берут.

Но вот и Кайтым.

Ровные ряды домов, дере-

вянный перрон. За

речкой поднимается выш-

ка, дорога убегает ровной

лентой.

Анатолий повел нас в

гостиницу, работники ее

предложили места, встре-

тили приветливо. Но кро-

ватей мало, а нас много.

Пришло идти за речку,

разбивать лагерь.

В. АНДРЕЕВ.

(Начало в № 5. Продол-

жение следует).

Вечером плотной туман окутал тайгу. Его рассекали лучи прожекторов мотовозов. Поезда беспрерывно гудели, грохотали на стыках рельсов. Но мы спали, как убитые, не замечая комаров: сказались бессонные ночи.

В пять часов утра поднял нас Анатолий. Одет он по-таежному: старенькая кепка, темный пиджак, болотные сапоги. За спиной висело ружье, в руке ведро.

— Так пойдете речку смотреть? — басил он глухо. — Собирайтесь скорее.

На разведку пошел вместе со мной Юрка. Туман медленно поднимался вверх, розовел в лучах солнца. Отошли от палаток недалеко, как из кустов выпорхнула стайка рябчиков. Один усился на сухую лесину и вертел головой. Юрка сдергивал с плеча ружье, крался согнувшись. У него даже руки дрожали.

— Охота закрыта, — засмеялся Анатолий. — Ну, ладно, стреляй, если такой азартный.

Грохнул выстрел, рябчик забился в траве.

И снова идем по шпалам. Кое-где они ходуном ходят, тонут в болотинах. Анатолий рассказывал, как трудно здесь вести дорогу. Сначала лес валят, сверху глиной засыпают, рельсы кладут. И все равно со временем шпалы уходят в землю.

Дорога ровным коридором опускалась к речке, край ее голубел в далекой дымке. Два полуразрушенных домика и конюшня-сарай на берегу Малой Бичи. Строения разобраны — следы охотников и рыбаков, которые плоты вяжут из сухих бревен. Полуразобранный мост, под которым лениво перекатывается речка. Ширина ее не больше пяти метров. Вода желтоватая, много бревен, коряг в русле. Берега заросли крапивой, смородиной, черемухой. Разворачивала нас речка.

Анатолий поковырялся в глине у самой воды, нашел червей. И мы с Юркой начали таскать одного за другим пескарей,

но клев был недолгий. Видно, кончился рыбий завтрак.

Походили по берегу, подыскивая сухой лес. Кругом выруба, а вдоль дороги лежат старые шпалы, бревна. Пожалуй, выход найдем.

К обеду возвратились в лагерь. Наш народ вышел встречать. В зеленых штормовках, с гитарой впереди топали они по шпалам и песни пели. Точь-в-точь как на нынешних фотографиях в журналах, где пишут о БАМе.

Хохот слышится сзади, кто-то горланит Коля кричит:

— Вот эту елку бы в город привезти, красная какая!

— Это не елка, а пихта, — откликается Толя.

— Какая разница?

— Слезь, посмотрим...

Юрка не выдержал:

— Че орете! Всех уток распугали.

Охотничий азарт перевивается в нем все. Юрка бросает шест, хватает ружье, завидев на воде что-либо черное. А здесь торчат топляки, расторопшились коряги.

Регулярно делаем записи азимутов реки, по ним просим, но зло берет и вычертим абрис, все повороты. Течение слабое, постоянно в руках шест. Невольно вспоминаю слова Артура Степкина: «Всем хорош водный туризм, только перспектива лягушечья, все видишь снизу, и вдобыт только берега. Нет полного представления о районе путешествия».

Река портится. Все больше коряг в русле, небольшие завалы преграждают путь, и парни лезут в воду рубить бревна, оттаскивать, проводить плоты.

не помогают, мы и не умеем, но злой берет и кое-кто ворчит:

— Бросьте смеяться. Толя Головин будто преобразился. Он совсем не скучный, веселый, задиристый. Первым лезет в воду, всех подбадривает. Волосы растрепались, очки грязные, брюки разорвались. Сам весь измазан тиной, убитые комары засохли на лице. Но ворочает бревна — каждый бы так!

Правильно туристы говорят: чтобы узнать человека, совсем не обязательно с ним съесть пуд соли, в походе достаточно одного килограмма.

Для ночевки место выбрали на увале, в осиннике, тонком, густом. Комары здесь наплодились!

Ужинали в темноте, накрывшись капюшонами штормовок. Кто-то освещил ведро с супом. Вся поверхность его покрыта толстым серым слоем барабающих тел, ног, крыльев комаров. Наши девушки сразу же бросили ложки, грызли сухой хлеб. Что-то потрескивало на зубах, а по спине пробегал неприятный холодок, но молча жевали, боясь посветить в чашку. Коля попытался вычерпать «мясо», но выплынула половина содержимого, а комаров не убывало. На свет их прилетело еще больше, и все начали сначала.

Юрка невозмутимо работал ложкой и зубами. Андрей изрек многозначительно:

— А они полезные, зря вы, девочки, отказались.

Тем не менее, половина ведра супа осталась несъеденной.

В. АНДРЕЕВ.

(Продолжение в следующем номере. Начало в № № 5, 6).

3. Хитрая речка

Отправленные в Аксеново Андрей и Люда вернулись ни с чем. Деньги нам не пришли. На совете решили перебазироваться к речке, начать строить плоты и наведываться на почту почаше. Рюкзаки наши пополнили, все-таки до Азов плыть приличное расстояние. Река выписывает зигзаги, которых нет на карте, значит, времени займет наше плавание много.

Девчата ставили палатки, благоустраивали лагерь, а парни таскали бревна, сколачивали плоты. Учитывая ширину реки, пришлось делать небольшие, на два человека.

25 июля, в 10 часов утра наша таежная флотилия отчалила под гром ружейного салюта. Впереди плывем мы с Юркой, следом, «Бригантина» в составе Коли и Лиды. Витя и Люда на своем вертком «Неподдающимся» выписывают зигзаги от берега к берегу. Андрей сильно разгоняет свой «Отважный», нагруженный палатками, ведрами. Не менее уверенно ведут «ТТ» Тамара и Толя. Замыкает колонну «Таран» с Сашей и Любой. Плот у них большой, тяжелый, и когда плывущие впереди оказываются на мели, с ходу их таранят.

Настроение у всех восторженное. Тепло, и мы разделились до плавок. Здесь, на воде, комаров ли могли жить наши меньше, можно загорать, предки.

Больше всех достается Вите. Он стоит на носу плота, сильно разгоняет суденышко и не видит, что творится впереди. Плот налетает на топляк, и Витя по инерции летит вперед, поднимая фонтаны брызг и смеха.

Досталось и Коле. Не мог выдернуть шест из вязкого дна и улетел вслед за ним. Вдобыт не умеет плавать. Вытаскив испуганно глаза, закричал Лиде:

— Стой, стой!

Ударился животом о воду, встал, а глубина по колено.

По берегам речки тянулись густые пихтачи, изредка кедры попадались. Над водой склонялась ольха, черемуха. А в середине дня на берегу затрещали сучья. Юрка приготовил ружье, но до несся звон ведра. Ломая крапиву, к воде вышел Анатолий.

— Ну и орать вы, — добродушно ворчал он.

— Всех медведей распугали. Счастливого пути!

Мы дружно проорали:

— До свидания! — и поплыли дальше. Иногда вылезали на берег, искали песчаную гравию, но видно, это был бесполезный труд. В нашу задачу входило еще выяснить, имеются ли на Малой Биче древние курганы, городища. Увал куда-то ушел в сторону, а на за

толь командует: — А ну, навались! Дружно! Раз — два взяли!

И бревно с трудом выволакиваем на берег.

Андрей смеется:

— Вас надо на заготовку леса отправить, там научитесь бревна воровать.

На ночлег остановились возле разрушенной рыбакской или охотничьей избушки. Испекли шишечки, ягод насобирали. Долго пели у костра. По нашим расчетам выходит, что прошли километров 30.

Зато на следующий вряд ли 12 осилили. По два — три часа уходило на завал. Весной упадет дерево и задержит плывущие по реке бревна, сучья, кусты, коряги. Ходишь-ходишь по этой мешанине, раздумывая, как бы легче разобрать, и по тихоньку бревно за бревном вытягиваешь. Они здесь в несколько этажей, работенки хватает. Но один такой завал подарит нам большой плот, заменивший два маленьких. Парням не хочется лезть в воду, это видно по их унылым физиономиям. Девчонки только хохочут,

УСТЬ - ИШИМСКОМУ РАЙПО на постоянную работу **СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ:**

СЕКРЕТАРЬ - МАШИ-

БУХГАЛТЕРИИ УСТЬ-ИШИМСКОГО РАЙОННОГО ОТДЕЛА НАРОД-

НИСТКА, СТАРШИЙ БУХГАЛТЕР, ТРАКТОРИСТЫ, ШОФЕРЫ, ЭЛЕКТРИК, ПРОДАВЦЫ в книжный магазин.

НОГО ОБРАЗОВАНИЯ на постоянную работу требуется **БУХГАЛТЕР**

Редактор

Еще два дня бились мову и показал на маленькую избушку. Невысокий, худенький старик сидел на кирточке возле порога и дыне оглядывается. Группа мил самокруткой. Поздорствиянлась. Иду сзади, ровавшись, я рассказал, чтобы на виду были все, кто мы такие, вытащил карту, расспрашивал о он на следы не смотрел дороге. Старик подумал и и будто выдавил:

— Ладна! В девять часов пойдем на Скупской. Бегом возвращаюсь в лагерь. Никого нет, только Люда с Юрий стара-

Повеселились ребята, все чаще шутки, смех. А к обеду вышли в деляну. Тракторист объяснил, что до Азов километров 40. Ничего себе! Зато женщина-обрубница сучьев рассказала, что есть тропа, до поселка километров 12. но никто по ней не ходит лет пять, и сейчас не найдешь дорогу. Зато по лежневке можно легко попасть в Скородум.

Мы так и сделали, а через два дня были уже в Саургачах. Осталась другая часть маршрута — пешая. В наших планах было пройти по Малой Биче, а потом спуститься по Большой Биче до Иртыша. Но Артур, утверждая график, посоветовал побывать на озере Большой Уват.

— Там такие караси! — уговаривал нас. — А озеро, как море!

Тогда мы решили маршрут изменить. Лучше всего, как нам рассказали сторожи, идти около озера Скопского. Дорогу туда знают в Саургачах.

Иду по деревне. Еще рано, людей не видно. Из калитки вышел мужчина, он посоветовал обратиться к Аблею Касину,

цвет, — вспомнили все. Оказывается, парни прошлись разыгрывали нас, а кофе у них подгорело.

Снова идем по тропочках возле порога и дыне оглядывается. Группа мил самокруткой. Поздорствиянлась. Иду сзади, ровавшись, я рассказал, чтобы на виду были все, кто мы такие, вытащил карту, расспрашивал о он на следы не смотрел дороге. Старик подумал и и будто выдавил:

— Ладна! В девять часов пойдем на Скупской. Пронадеялся на Сашку, карту, расспрашивал о он на следы не смотрел и завел нас в болото. Возвращаемся назад, находим следы сапог. Они привели на берег озера. Избушка на «курьих ножках», на сваях стоит. Старик мастерил нары из

ту, много топей.

На следующее утро огибаем озеро с восточной стороны. Узкий залив вдается в кедрач. Уток здесь было! На несколько секунд ничего не слышно стало, кроме хлопанья по воде крыльев. Юрка разрядил в стаю оба ствола, сшиб трех уток, но обиделся:

— Это не охота, а убийство...

Много бруслик здесь, голубики, но ягоды еще не созрели. Болото, болото... Оно вымотало нас в

здесь не место».

Вспоминаю, как однажды водили студентов из всех институтов в трехдневный поход. По различным дорогам, без всяких естественных и искусственных препятствий. Один здоровенный парень скис, отдал рюкзак другим, ворчал без конца:

— На черта мне такой спорт! Я знаю штангу. Подниму и брошу.

Она не смотрит на тебя, и я на нее тоже. А здесь этот «сидор» висит и висит, тянет к земле.

часть содержимого их рюкзаков. А направляющие проскочили мимо острова, где можно было отдохнуть. Пришлось погружаться.

Теперь Санька бредет сзади, недовольно ворчит. Позднее, уже после похода, он признался Толе: боялся, что ночь засстанет на болоте, к тому же не очень надеялся на компас и молодого руководителя. Подбадриваем остальных. Юрка начал какой-то анекдот рассказывать.

А впереди вырос во всю ширину горизонта остров, значит, скоро будет сухо.

Километра через три вышли на песчаную гравию. Ура! Можно останавливаться.

Коля влез на кривую сосну, долго что-то рассматривал, молчал, а остальные снизу глядели на него. И вдруг он закричал, показывая пальцем:

— Озеро! Да какое большое!

— Где озеро?

— Да вот, рядом, — затараторил Коля, — метров пятьсот. Я сначала не мог понять, что такое серое впереди.

И все свободные от дежурства бросились вперед. Чистый сосняк, с песочком, а дальше гравия понижалась, до самого озера трясина, только по берегу росла высоченная крапива да тянулся вал годами выбрасываемых на берег кустов, щепок, деревьев.

Огромное, как море, озеро взлохмачено ветром. Другой берег не видно, а слеза кажется узкой зеленой полоской, на фоне ее серели крохотные домики деревень.

В. АНДРЕЕВ.
(Окончание в следующем номере. Начало в № 5).

4. Надейся на ноги!

тельно укладывают рюкзаки.

— Ушли за продуктами на шпалозавод, — рассказали они.

Времени остается мало. Пока раскладывали продукты, свертывали палатки, стрелка часов перевалила цифру девять. Рыбак, конечно, ушел. Но на дороге четко отпечатались следы его резиновых сапог.

Жарко, давят рюкзаки. Оводы жужжат. Сашка натер ногу, хромает. Витя идет бледный, осунувшийся. Коля скис, говорит, что спина заболела. Разгружаем их, зато сами начинаем горбиться сильнее. Пот текет, глаза заливаются, жжет.

Ох, наконец-то обед! Места здесь сухие, песчаные гривы, сосняки. Дежурившие Толя и Юра долго искали воду. Когда обед был съеден, спросили, где же они ее нашли. Парни со смехом отвечали, что в болоте начерпали и полпачки марганцовки высипали для дезинфекции. Да, у кофе был какой-то привкус и розоватый на Уват трудно, по боло-

березовых жердей. Увидел нас, присел на порог.

— Вот мы и пришли, говорю ему.

— А кто вас привел?

— Сами дорогу нашли, по следам.

— У, холера!

Озеро почти со всех сторон сосняки окружили. Оно с километр в попечнике или чуть побольше. Колы сена на берегу. Черные силуэты уток на воде. Топь. Речка Суя из озера вытекает.

Старик присел к нашему огню, рассказал, что до Увата километров 25. Озеро неглубокое, метр — полтора. Яма есть глубиной метров десять. Ее на ночь обставляют сетями. Рыба — карась, окунь, редко заходят щука, чебак. Иногда полную лодку можно поймать.

Старик от рыбакской артели промышлял, рыбу солил, а потом на лодке перевозил бочки к дороге. Живет он здесь неделями, домой ходит редко. Часто медведь-аю ходит. Будто бы вчера в кедраче двух видел. Иди на Уват трудно, по боло-

этот день. За 45 минут перехода уработавшись так, что сердце готово вырваться из грудной клетки. Вода по колено, а внизу черная вязкая каша, пахнущая сероводородом. Вдобавок дождь пошел.

Андрей шутит:

— Записался в туристы — пеший на себя.

Толя добавляет:

— Угадайте: снизу вода, сверху вода, внутри вода.

Никто не отвечает.

— Турист это...

Не знаю, о чем думают остальные в этот момент, но мне приходят примерно такие мысли: «Ради чего терпим это? Никто ведь нас не гонит, сами захотели пойти. Для чего? Чтобы испытать свои силы, увидеть и запомнить то, что другие не видели. Да, найдутся скептики, скажут: зачем это надо? Но я знаю, что надо. Здесь каждый проверяется на прочность, здесь рождается дружба на долгие годы. И я не знаю товарищей надежнее туристов. Слабакам

но именно рождает радость туризм тем, что есть возможность пройти там, где никого до тебя не было. Ты — первый!

От мыслей отвлекает крик Юрки:

— Ишаки — в рюкзаки!

Мы по очереди командуем. Сегодняшний день Юркин. Руководитель на день должен сам выбрать лучший график, направление движения, место ночлега. Своего рода — учеба. Этому нас научил Степкин.

Особенно трудно идти замыкающему. Десять человек пробуют в торфяной жиже такую канаву, что последний идет кое-как. Девчата движутся из последних сил, все чаще падают на кочки. Приходится укорачивать время переходов.

Сашка с Юркой убежали далеко вперед. На топе — след медведя. Девчата нервничают. Мы с Толей нагрузились сверх всякой меры, разобрав

(Окончание. Начало в ют ключья пены. Как на № № 5, 6, 7, 8).

Идем по северному берегу озера. Часто попадаются зыбучи, трясина. Стоит пробить верхний слой почвы, скрепленный корнями, как сразу топаешь по пояс в грязи. Но появилась на берегах копны сена. Недоумеваем, как могли косить на таких зыбучих местах.

Легче двигаться по твердому валу, что протянулся на много километров вдоль берега, но здесь высоченная крапива, и направляющий, несмотря на жару, должен надеть штормовку. Треск веток под ногами, хруст мясистых стеблей сопровождает туристов.

Выпала очередь идти мне направляющим. Гляжу вперед, не замечая, что под ногами. И вдруг крик остановил:

— Змея!

Подпрыгнул, как ужаленный. Оборачиваюсь назад. Серая гадюка, высунув раздвоенный язык, шипит, вертит головой.

А после Коля всем рассказывал:

— Он чуть на нее не наступил...

Жарко, пить хочется, вода рядом, а не подойдешь. Люба облизывает пересохшие губы, на озеро глядит с тоской и ругается с парнями, что долго не останавливаемся. Вот и Саня заворчал:

— Обедать пора, долго мы еще будем крапиву ломать?

День ветреный. Озеро расшумелось, далеко на берег волны выбрасыва-

ют ключья пены. Как на море!

Обедали в болоте. Топко, под ногами все качается. Костер в грязной луже. Колья ушли в землю мой ловят неводами, метров на шесть и дна не достали. Идет дежурный

к огню, и ведро качается. Гляжу на компас: юго-запад, значит, скоро дневня. Снова бредем по воде, среди широких

стъев трефоли, метелок

пушицы. Исток Верхниса

прошли, не заметив,

но столько он зарос,

затя-

ми крышами. На берегу сем другие — береза, осина. Множество полян в ромашке.

К четырем часам дня выходим на Ишимский тракт. Грязные, обросшие, оборванные. У Юрики брюки в разноцветных заплатах: белые, красные, зеленые. Так мы весь народ распугаем.

Недолгий привал. Переодеваемся, в порядок себя приводим. И ровной цепочкой входим в Орехово. Прощай тайга!

К вечеру следующего

дня на стареньком пассажирском катере приехали

в длину и восемь — две. надцать в ширину, одна-ко мелкое. В последнем мы убедились сами, когда вздумали купаться. Ушли метров за 200 от берега, но глубина оставалась по

дни на стареньком пассажирском катере приехали

здесь высоченная крапива, и направляющий, несмотря на жару, должен надеть штормовку. Треск веток под ногами, хруст мясистых стеблей сопровождает туристов.

Выпала очередь идти мне направляющим. Гляжу вперед, не замечая, что под ногами. И вдруг крик остановил:

— Змея!

Подпрыгнул, как ужаленный. Оборачиваюсь назад. Серая гадюка, высунув раздвоенный язык, шипит, вертит головой.

А после Коля всем рассказывал:

— Он чуть на нее не наступил...

Жарко, пить хочется, вода рядом, а не подойдешь. Люба облизывает пересохшие губы, на озеро глядит с тоской и ругается с парнями, что долго не останавливаемся. Вот и Саня заворчал:

— Обедать пора, долго мы еще будем крапиву ломать?

День ветреный. Озеро

расшумелось, далеко на

берег волны выбрасыва-

нулся травой, мхом. Где-то внизу, под толстым слоем растительности, бежит речка.

Бежит речка.

На берегу озера, чуть

ли не в огородах, нашли

древнее городище. Керамика относится примерно

к XIII—XIV веку, эпохе

раннего железа. Много

рыбных костей в обнажении.

По их размерам установили, что рыба в те

времена гораздо крупнее

была.

И начался дождь. На

долго обложили небо се-

рые тучи. В лужах пу-

зырьки взбухают — не-

настъе затянется.

Но нам ждать некогда.

Под моросящим дождем

выходим в Орехово. До-

роги в ту пору еще не

было. Узкая тропинка,

вытоптанная, глубокая

будто канава, ведет через

рямы, выбегает на просе-

льчную дорогу. Леса сов-

в Усть-Ишим. Наш поход закончился. Интересный маршрут прошли, все соглашались с этим. Но девчата строили планы — на следующее лето побывать там, где меньше болот, комаров.

Неугомонный Юрка и ставший вновь серьезным Толя предлагали снова на север, еще дальше забраться. Впереди был год, подумать можно было.

И подумали... На следующее лето мы снова были в тайге. На этот раз из поселка Малая Бича добрались до Малого Турсаса, плыли по нему, по Турсасу. Закончили поход на Иртыше, в устье реки, там, где сейчас стоит станция железной дороги Тюмень — Сургут с красивым названием «Юность комсомольская».

В. АНДРЕЕВ.

3. МЫ ВЕРНЕМСЯ

плывать не умеет! Весь следующий день отдыхали. Рыбаки принесли ведро здоровенных, еще живых, серых карасей.

На берегу озера, чуть

ли не в огородах, нашли

древнее городище. Керамика относится примерно

к XIII—XIV веку, эпохе

раннего железа. Много

рыбных костей в обнажении.

По их размерам установили, что рыба в те

времена гораздо крупнее

была.

И начался дождь. На

долго обложили небо се-

рые тучи. В лужах пу-

зырьки взбухают — не-

настъе затянется.

Но нам ждать некогда.

Под моросящим дождем

выходим в Орехово. До-

роги в ту пору еще не

было. Узкая тропинка,

вытоптанная, глубокая

будто канава, ведет через

рямы, выбегает на просе-

льчную дорогу. Леса сов-